

V á c l a v V á ž n ý. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Studie sémasiologická se zřetelem jazykové zeměpisným. Bratislava, 1955, 338 стр., 10 карт

Книга виднейшего чешского диалектолога и лексиколога проф. В. Важного о названиях бабочек в словацких наречиях содержит этимологический и лингво-географический анализ богатейшего материала — более 100 народных названий бабочек, собранных почти из 900 населенных пунктов. Выбор такой семантически узкой группы лексики вызван уже самим богатством терминологии бабочек в словацких диалектах. Это богатство автор справедливо объясняет — в общелексикологическом плане — неустойчивостью и неопределенностью названий растений и животных, не имеющих собственного значения для жизненных потребностей человека (13—14)¹. Особенное же многообразие словацких названий бабочек объясняется, по-видимому, не только «неисчерпаемыми возможностями языкового творчества народа» (282), но и специфическими географическими и социально-историческими условиями жизни словаков — разобщенностью населения в отдельных горных местностях и административно-территориальных единицах². Последнее обстоятельство находит отражение прежде всего в обилии таких названий бабочек, которые отмечены лишь в одном или нескольких очень отдаленных друг от друга пунктах и представляют собой новообразования переносного или прозрачно-деривационного характера. С этой точки зрения было бы интересным изучение других лексических групп на словацком материале сравнительно с материалом других славянских языков.

Эта книга — единственное в своем роде этимологическое исследование славянской группы лексики, основанное прежде всего на данных лингвистической географии. Она содержит точные указания на географическое распространение каждого из рассматриваемых слов, а также специальное приложение с соответствующими картами. Автор отмечает, что изолексы на картах нередко отражают экспансию определенных наиболее живых слов и вытекающие отсюда языковые инновации, проникающие и в терминологию соседних наречий чужих языков. Поэтому в книге уделено большое внимание межязыковым изолексам, прослеживается распространение лексики, отраженной в ряде соседних языков³. Интересно, например, заимствование из венгерского языка *lepka*, *l'ipka*, *lependa* и т. п. «бабочка»

¹ Здесь и далее цифры в скобках указывают на страницы рецензируемой книги.

² Это соображение высказано польским рецензентом данной книги Й. Шмылем (см. «Poradnik językowy», 1959, № 6-7, стр. 317—318).

³ См. также: V. V á ž n ý. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Příspěvky k dokumentární hodnotě díla: M. Mařeckí i K. Nitsch. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Praha, 1948. — Большая часть этой книги посвящена оценке материала Атласа польского Подкарпатья с точки зрения словарного состава говоров большой географической области, главным образом словацкой.

(венг. *lepke, lepe, lipe, lependek* — то же), которое отмечено на словацких территориях, подвергавшихся венгерской колонизации, причем в книге прослеживается конкретный путь проникновения на север этих венгерских слов, закреплявшихся на важных магистралях, по которым распространялись культурные и языковые венгерские влияния (283—284). Географическое обоснование находит и постепенное преобразование заимствованного немецкого слова *Schmetterling*; разные стадии диалектных форм *šmetel'ink, šmetelinka, šmetelanka, kvetelaň, kvetofka*. Две последние формы отмечены на востоке Словакии — в Кошицкой области, на территории которой можно, однако, установить следы бывшей немецкой колонизации (210—212). Изолексами подтверждается также распространение на словацкой языковой территории польского названия ночной бабочки *сма* и производных от него (72—73), общекарпатского слова *d'uk, d'ug*, получившего разнообразные экспрессивные значения, в том числе значение 'ночная бабочка' (118—120), и др.

Автор книги стремится показать каждое слово на фоне других семантически подобных образований. Внешним выражением этого стремления является расположение материала в основной части книги по главам в соответствии с признаком, положенным в основу названия. Такой подход к материалу очень удачен: он делает более убедительными этимологические выводы исследователя, касающиеся отдельных слов. Уже краткое перечисление глав основного раздела книги показало бы общие тенденции развития терминологии бабочек, и не только в словацком, но вообще в славянских языках.

Особый интерес представляет большая группа названий бабочек, основанных на элементарной мифологии. Правильность трактовки слов здесь определяется прежде всего системным рассмотрением всей данной группы названий бабочек, сочетающимся с лингво-географическим подходом. Так, мнение автора, что в основе словц. *babička, babočka* и т. п. 'пестрая дневная бабочка' лежит эвфемистическое название колдуньи *baba, babka* и т. п., широко распространенное в разных славянских языках (86—87), подтверждается целым рядом областных словацких названий бабочек — *čert'ica, bohňa, ježibaba, striga* и др., известных в первоначальном значении 'колдунья, вещунья, ведьма'. Это объяснение, справедливое, по-видимому, и для русск. *бабочка*, семантически более убедительно, чем старое объяснение А. А. Потебни, связывавшего это слово с представлением души предка (бабушки) в образе бабочки⁴. Косвенным аргументом в пользу объяснения Важного может быть и то, что словц. *babočka* и т. п. обозначает только пеструю, яркую дневную бабочку, преимущественно из семейства ванесс (ср. также словц. *ježibaba* в значении большой пестрой бабочки, а также укр. *відьма* 'колдунья' и 'бабочка махаон'), в то время как славянские народные поверья связывают с представлением души умершего человека прежде всего ночную бабочку (ср. словц. *dušička, smrt', smrtka* и др.).

Убедительно показано также тождество названия бабочки *lyšaj* или *lišaj* и общеславянского названия кожной болезни **lišaj* (106 и сл.). Вторичное значение этого слова — 'бабочка' — распространено на узкой, географически замкнутой части западнославянской языковой территории, образуемой западнословацкими говорами и частью польских говоров. В этом слове, как и в других названиях бабочек — первоначально названиях болезней, в том числе и кожных (словц. *hodonka, svrab, prašina* и др.), проявляется общая тенденция к переносу названия болезни на предполагаемого ее

⁴ См.: А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, ч. IV. — ФФВ, 9, 1883, стр. 78.

носителя — бабочку⁵. Но маловероятно противоположное семантическое изменение (от названия бабочки — к названию болезни), которое автор видит в появлении у словц. *psota* 'беда, недостаток' диалектного значения 'лишай, кожная болезнь', развившегося, по его мнению, из промежуточного значения 'ночная бабочка' (110). Такой двойной перенос значения здесь не обязателен. Значение 'кожная болезнь', по-видимому, развилось прямо из значения 'беда' именно таким путем возникло, например, русск. диал. *веред* 'болячка, нарыв, чирей и т. п.'

В первой главе основного раздела книги рассматриваются старые общеславянские названия бабочек — **motylъ* и **molъ*. При оценке происхождения этих слов, как нам кажется, недостаточно критически использован материал интересной, но очень спорной работы В. Ёля⁶, объяснявшего эти названия на основе общего для многих языков творческого принципа «элементарного звукоподражания», в данном случае «звуковой образности» или экспрессивности, отражающей зрительное впечатление от полета бабочки. Принимая во внимание разнообразие колебания гласных в диалектных видоизменениях слова **motylъ* в разных славянских языках (в том числе в словацком), Важный соглашается с объяснением этого слова как элементарного экспрессивного образования на «трехтиповой» звуковой основе $m + t + l$. Что же касается «традиционных» объяснений происхождения этого слова, то автор считает наиболее правдоподобным объяснение, предложенное еще Э. Бернекером, связывавшим это слово с корнем **met-*, **mot-*, собственно, 'быстро двигающиеся, перемещающиеся из стороны в сторону, кружащиеся существо'⁷; но он склонен считать, что влияние глагола **motati* на структуру данного слова было вторичным (30 и сл.). Однако в славянском слове отсутствует такой характерный внешний признак рассматриваемых Ёлем «элементарно-экспрессивных» названий бабочек, как редупликация того или иного звукового комплекса, связываемая с характером полета бабочек. Уже это обособляет славянское название бабочки. Между тем сама семантическая сторона этимологии Бернекера — наиболее вероятной этимологии славянского **motylъ*⁸ — позволяет говорить об этом слове как об отражающем то же древнейшее представление о бабочке, внешнее впечатление от ее «мотающегося», трещащего полета. Это представление живо и в современных славянских языках: ср., например, приводимое Важным словц. и чеш. диал. *motovidlo* 'бабочка' — череносное название, основанное на внешнем сходстве полета бабочки и движения мотовила (188—189), в производных от названия бабочки — русск. диал. *мотыляться* 'качаться, болтаться'⁹ и т. п. Ввиду преобладания в славянских языках формы **motylъ* эту форму можно считать первичной, праславянской, а многочисленные деформации ее в отдельных славянских языках и диалектах рассматривать как результаты воздействия разнообразных факторов аналогии и народной этимологии. Из других славянских форм этого слова, по-видимому, лишь форма с корнем *met-* (**metylъ*), отражающая чередование **mot* — **met* [ср. соврем. *мотать(ся)* — *метать(ся)*], также восходит к праславянской эпохе¹⁰.

⁵ Эта этимология уже принята в словарях, см: Н о l u b - К о р е ъ u ъ, 213; М а с е к, 280.

⁶ См.: W. Oehl. Elementare Wortschöpfung: *papilio* — *fifaltra* — *farfalla* (Biblioteca dell' «Archivum Romanicum», serie II, vol. 3). Genève, 1922, стр. 75—115.

⁷ См.: Бернекер, II, стр. 42.

⁸ Эта этимология слова *мотыль*, однако, даже не упомянута в словаре М. Фасмера (см.: V a s m e r, II, стр. 165—166).

⁹ См.: Д а л ь, II, стр. 352.

¹⁰ Ср. замечание И. Зубатого, что корень *met-*, *mot-*, отраженный в чешских группах *metu*, *motati*, *metylъ*, *motylъ*, *motovidlo* и т. д., имеет

Формы с гласным корня *a* (*matyl, matul*), встречающиеся на тех же территориях, где и глагол *matati* (ср., например, чеш. диал. *matat* 'страшить', др.-сербск. *matati* 'манить, соблазнять'), являются результатом возможного позднего изменения под влиянием этого глагола¹¹. В польских диалектных формах с носовым гласным (*mętel* и т. п.), заимствованных и некоторыми словацкими диалектами, отражена, несомненно, та же специфическая польская поздняя назализация корневого гласного, которая представлена, например, в форме предлога *między*, в польск. диал. *miętoperz* и *mętoperz* — из первоначального *nietoperz* и т. п.¹² Формы с суффиксом *-ul* (*motul, metul, matul*), как отмечает Важный (40), исходя из их географического распространения, возникли под влиянием сербохорватских форм (ср. чак. *metulj* и т. п.), являющихся результатом переоформления по образцу слов с суффиксом *-ul* (этот суффикс тишчен для названий животных в сербохорватском языке). Подобные объяснения можно было бы найти и для других диалектных деформаций форм **motylъ, *metylъ*. Подробное рассмотрение этих деформаций, прежде всего с точки зрения лингвистической географии, помогло бы выяснить вызвавшие их конкретные факторы (некоторые из таких деформаций могли иметь и чисто экспрессивный характер: ср. словц. диал. *motrl', motrl'ák*). Такой анализ дан, например, проф. К. Ничем для деформаций слов. **netopyrъ* в диалектах польского языка¹³. Слова **motylъ, *netopyrъ* и т. п., рассмотренные на всей славянской территории, могут дать интереснейший по разнообразию диалектных видоизменений праславянских форм материал.

Распространенное в ряде славянских языков название болезни овец «вертячки» — пол. *motyllica*, чеш. *motolice, motýlice*, словц. *motolica, motil'ica*, укр. *мотиліця* и т. п. — Важный рассматривает как вторичное, производное от названия бабочки *motyl* и т. п., с первоначальным значением 'самка бабочки' (49—50, 234—235). Однако более верным представляется самостоятельное происхождение данного названия. Наиболее типичные внешние признаки этой болезни — резкие, в частности круговые, движения животного, метания из стороны в сторону и т. д.¹⁴ Эти признаки использованы в таких народных названиях этой болезни, как, например, русск. *вертячка, вертёж, веретеница* (от *веретено*)¹⁵, чеш. *vřtohlavost*, словц. диал. *krútačka, krútenica*, а также *motoh* и *motoha* ('овца, больная этой болезнью' и сама 'болезнь'), *motožka*, откуда также *zmotožit'sa* 'заболеть этой болезнью' (46, сн. 29). Особенно характерны последние слова, образованные от того же глагола, что и название бабочки, но с другим древним славянским суффиксом. В словах *motyllica* и т. п. можно также видеть один из самостоятельных по происхождению дериватов глагола **motati*. Это не исключает, конечно, более позднего взаимодействия названий данной болезни и бабочки, семантическое обоснование которого можно видеть и в народных поверьях, считающих бабочку носителем различных болезней, в том числе болезней скота, и в чисто внешнем сходстве движений бабочки и больной овцы. Так или иначе, областные наз-

общее основное значение кругообразного, неровного движения, которое переходит в неопределенное значение индифферентного движения вообще (см.: J. Z u b a t ý. Studie a články, t. I, č. 1. Praha, 1945, стр. 277).

¹¹ Моравск. диал. *drmotěl* — по-видимому, народноэтимологическая деформация под влиянием созвучного экспрессивного глагола; ср. чеш. *drmnít* 'легко коснуться кого-л.', словц. *drmat', drmotat'* 'дергать, трепать' (см.: «Slovník slovenského jazyka», t. I. Bratislava, 1959, стр. 331).

¹² См.: K. Nitsch. Z geografii wyrazów polskich. «Wybór pism polonistycznych», t. II. Wrocław — Kraków, 1955, стр. 30—31.

¹³ См. там же, стр. 30—37.

¹⁴ См., например, БСЭ, т. 46. Изд. 2, стр. 558.

¹⁵ См.: Даль, I, стр. 183.

вания овечьей болезни испытали на себе влияние диалектных вариантов названия бабочки **motyl*¹⁶.

Для слова **molь*, не подвергающегося в славянских языках никаким деформациям, еще меньше оснований принимать, даже с оговорками, как это сделано Важным (53, 287), объяснение на основе «элементарно-образного» образования ($m + l$)¹⁷. Традиционное объяснение происхождения этого слова от корня **mel-*, праслав. **melti* 'дробить, мельчить, молоть' весьма правдоподобно, но признак, лежащий в основе данного названия, — скорее не «разрушающее (материю)», а «маленькое, мелкое существо». Семантическое подтверждение такой связи слов (возникшей, очевидно, еще на индоевропейской почве) представляет праслав. **mělkъ* 'мелкий', которое признается словом того же корня на ступени удлинения¹⁸. В таком случае можно отождествить общеслав. **molь* с русск. диал. *моль* 'маленькая рыбка' (ср. также *мольва* 'рыбы мальки', *молька*, *мольва* 'мельчайшая рыбка'), новгор. *моль* 'мелочь, измельченные вещи; самый мелкий снежок' и отнести к этому же корню русск. диал. (псковск.) *мелёк* 'моль, мелюзга рыбка' и т. д.¹⁹, а также словен. *melek* 'какое-то маленькое животное, возможно паук' и (под вопросом) словц. диал. название бабочки *melek*, оставленное Важным среди слов неясного происхождения ввиду непонятной формы генитива — *meleka*, а не *melka* (219). Характерно с этой точки зрения, что слово *mol'* означает в словацких диалектах не только 'моль', но и вообще маленькую бабочку (52).

В следующей главе как «образно-звуковые», или экспрессивные, слова рассматриваются словащие названия разных видов бабочек или бабочки вообще — *čincábalka*, *čincibalka*, *čincarija*, которые Важный, не останавливаясь подробно на их структуре, связывает с детским словотворчеством (57). Однако эти слова, которые автор признает относительно старыми, являются, по-видимому, звукоподражательными образованиями, первоначально — названиями птиц (перенос названия птицы на бабочку — вообще распространенное явление). На это указывает словц. *činci* — звукоподражательный комплекс, передающий чириканье, щебетание птиц, с производными от него *čincárara* 'чириканье воробья', *čincarovat'* (о синице) и др., к которым, несомненно, принадлежит и слово *čincarija*. В слове же *čincibalka* с тем же первым элементом вторая часть может быть или суффиксальным образованием от общеслав. **bajati* 'говорить', или звукоподражательным корнем *-bal-* (ср. русск. *балаболить*, *балакать* и т. п.).

Слова, рассматриваемые в последующих главах книги Важного, представляют собой поздние названия, вытеснившие на отдельных словацких территориях старые общеславянские слова или получившие более узкие значения. Очень старая терминология бабочек (в основном западнославянская) представлена, по мнению автора, только названиями *mora* (также *morka*) и *mara*, различными по происхождению, но семантически слившимися в значении мифологического существа, душащего ночью лю-

¹⁶ Само слово **motyl* могло употребляться уже в древности в значении овечьей болезни, о чем свидетельствуют, например, моравск. *motyl'*, словен. *metilj* и другие в этом значении. Это слово могло обозначать, как показывают данные, приведенные Важным, первоначально большую овцу, а затем также и саму болезнь, и ее возбудителей (глистов, червей, ее вызывающих).

¹⁷ Нельзя согласиться и с предположением В. Махека (см.: М а х е к, стр. 304) о возникновении слова **molь* в результате праславянской редукции из **motylь*.

¹⁸ См., например: Р о к о р н ý, Lief. 8, стр. 717; там же индоевропейские соответствия славянского **molь*, значения которых в разных языках не только 'моль', но и 'клещ', 'род червя', 'клоп'.

¹⁹ См.: Д а л ь, II, стр. 316, 344; Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 116.

дей, а затем во вторичном значении ночной бабочки, воплощающей это существо (60 и сл.). Остальные значения большей частью имеют характер переносно-метафорических обозначений бабочек, основанных на ассоциациях по сходству. Признаки, лежащие в основе названий, как и словообразовательная структура их, детально проанализированы автором.

Однако для некоторых дериватов, вполне прозрачных с точки зрения корня, от которого они образованы, трактовка признака, лежащего в основе названия, вызывает возражения. Так, например, слвц. *nočnica* 'ночная бабочка' (71) вряд ли связано с мифологическими представлениями о бабочке: скорее это обычное образование от слова *nočný* по признаку времени появления этих бабочек. Для слова *jarabec* 'пестрая бабочка' (147) надо предполагать название по цвету (ср. слвц. *jarabý* 'пестрый, в крапинках'), а не перенос с названия журавля (слвц. *jarab* 'журавль' — название, также данное по признаку цвета). Названия *žihlavka*, *prhlavka* и др. 'крапивница' (177) рассмотрены как переносные с первоначальным значением 'крапива' и помещены рядом с такими названиями, как *fialka*, данными по внешнему сходству бабочки с растением. Между тем это, очевидно, суффиксальные образования от словацких названий крапивы *žihlava*, *prhlava*, данные по типичной среде обитания этого вида бабочек (ср. *žihlavník* — название той же бабочки, отмеченное среди других названий бабочек по среде обитания, — 209).

Несмотря на частные недочеты, точность и полнота охвата материала и выводов, а также интересно примененный лингво-географический подход к материалу делают книгу В. Важного ценным и принципиально новым для славянской этимологии исследованием.

В. В. Лопатин